

Население, убывающее плодородие и рента

ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Хотя Мальтус начал размышлять и писать о демографических проблемах далеко не первым, он первым сумел создать теорию народонаселения. С тех **пор** в начале любой **дискуссии по** этим проблемам упоминают **его** имя. Правда, его теория привлекла к себе внимание при его жизни не столько тем, что ее оценили как вклад в развитие демографической науки, сколько тем, что в ней увидели опровержение оптимистических представлений Годвина, **Кондорсе** и Оуэна, будто бы человеческое общество может быть усовершенствовано с помощью социального законодательства. **Для нас** же гораздо важнее то обстоятельство, **что** из теории Мальтуса следовали вполне определенные аналитические выводы. Благодаря **им** эта теория сохранилась как неотъемлемая часть наследия классической экономической мысли много времени спустя после **того**, как побудившее Мальтуса к созданию этой теории **“предвидение”** стало достоянием прошлого. Теория Мальтуса, установившая жесткую зависимость роста населения от продовольственных ресурсов общества, помогла обосновать теорию заработной платы, определяемой прожиточным минимумом, и тем самым проложила путь Рикардо, в глазах которого экономический прогресс сводился почти исключительно к успехам в земледелии. Сводя причину бедности к простому соотношению темпа прироста населения с темпом прироста жизненных благ, определяющих прожиточный минимум, теория Мальтуса установила некий стандарт, на который опирались все представления классиков об экономической **политике**. Любого из этих достоинств теории Мальтуса было бы достаточно, чтобы сделать ее весьма влиятельной. Взятые же вместе, они вполне объясняют, почему Мальтус имел совершенно невероятный успех, ни с чем не сравнимый в истории экономической мысли. У Мальтуса вскоре объявились как последователи, так и ярые враги. Неудивительно, что его учение вызвало сильнейший отпор у социальных реформаторов и вообще у ученой публики. Мальтус всегда умел восстанавливать против себя всех, кто верил в возможность улучшения социальных **условий**. Он говорил, что всякая сознательная попытка улучшить условия будет сметена неодолимой людской массой. Он любил повторять, что любые попытки побороть нищету, прибегая к прямым государственным субсидиям или к частной благотворительности, могут только ослабить главное ограничение роста населения — необходимость для каждого заботиться **о** себе самом и полностью отвечать за свою непредусмотрительность. Он вбивал эти доводы в сознание читателей с редким упорством и красноречием, словно рассчитывая вызвать раздражение у самых впечатлительных. Тем не менее, обратившись к прошлому, нетрудно увидеть, что те доводы, которыми он оперировал, вовсе не были жестко обусловлены его теорией, — то были просто идеологические ловушки. И такие люди, как Френсис Плейс и Джон Стюарт Милль, взглянув на проблему несколько иначе и признав, что контроль над рождаемостью приемлем с моральной точки зрения, смогли использовать мальтузианскую доктрину как знамя программы социальных реформ.

1. Взрыв народонаселения

Первое издание **“Опыта о законе народонаселения”** Мальтуса было опубликовано в 1798 г. Первая из переписей населения, проводившихся раз в десять лет, была принята тремя годами позже и показала, что вопреки распространенному мнению население Англии быстро возрастало. Мы знаем, **что** в последние десятилетия **XVIII в.** действительно произошел взрывной рост народонаселения, и мы привычно хвалим Мальтуса за пророческое предсказание, сила которого привлекла внимание к опасностям, связанным с такими внезапными демографическими **взрывами**. На самом **же** деле история была благосклонна к Мальтусу, так как он подобно своим современникам считал, что численность населения Англии почти или совсем не выросла после революции **80-х** гг. XVII в. Во втором издании **“Опыта”** в 1803 г. он упомянул о переписи 1801 г., но с ее результатами он был знаком лишь поверхностно и, очевидно, даже не понял, что при его жизни произошел беспрецедентный в европейской истории рост **народонаселения**. В своих рассуждениях он стремился не к простому отражению ситуации в Великобритании — он мыслил всеобщими категориями. Современные специалисты так и не могут прийти к единому мнению: то ли промышленная революция, создав спрос на рабочую силу, тем самым стимулировала рождаемость, то ли улучшение санитарных условий, питания и жилья дало прирост населения благодаря снижению смертности. Как бы то ни было, между 1780 и 1790 гг. смертность и в самом деле значительно сократилась, а рождаемость в то же время несколько возросла. Сам Мальтус ставил на первое место соотношение браков и рождений и даже в поздних изданиях **“Опыта”** серьезно недооценивал фактическое снижение смертности. Дело **не** в том, что он неверно истолковал факты, — ведь даже теперь мы не можем прийти к согласию, каковы были эти факты; скорее всего, он никогда не имел ясного понятия о природе взрыва народонаселения, которому его доктрина обязана своей славой, а может быть, и не интересовался этим.

2. Аналитическая схема Мальтуса

Исходная посылка Мальтуса, заключается в противопоставлении биологической способности к производству потомства, определяемой природными инстинктами, у человека так же, как у животных, и факторов, которые таковую способность ограничивают (см. табл. 3-1).

Таблица 3-1

Потенциал роста населения	Ограничители роста населения			
	Превентивные меры: снижение рождаемости		Реальные факторы: рост смертности	
	Инстинкты продолжения рода	Ограничения морального характера	Слабость здоровья	Порочная жизнь Нищета
Ограниченность средств к существованию				

Указанные ограничения разделены на принудительные и предупредительные, — **так**, по Мальтусу, различаются силы, влияющие на нормы рождаемости и смертности. Над этим "позитивным" делением на две категории он поставил три вида "нормативных" факторов: бедность, порок и "нравственное обуздание". И позади всех — главный фактор: "средства существования" (которые иногда определяются как условие биологическое, а иногда, как культурное), т.е. наличие минимума средств, необходимых для поддержания **жизни**.

Таковы категории, которыми Мальтус пользуется для построения своей теории. По существу, сама теория состоит из трех положений: 1) биологическая способность человека к продолжению рода превосходит его физическую способность увеличить свои продовольственные ресурсы; 2) те или иные ограничения роста населения — принудительные или предупредительные — действуют всегда; 3) конечный предел воспроизводительной способности населения определяется ограничением по продовольственным **ресурсам**. Первое из этих положений — ключевая первичная аксиома; второе и третье — фактически выводятся из первого. Недостаток средств существования есть конечный ограничитель не в том **смысле**, что он действует после всех остальных, **новом**, что остальные ограничители рассматриваются как проявление нехватки продовольствия. Это относится и к предупредительным факторам, так как Мальтус не сумел объяснить добровольное ограничение численности населения никакими иными мотивами, кроме страха перед голодом.

Идеи Мальтуса получили немедленный отклик именно потому, что были чрезвычайно просты и не требовали ни создания новой аналитической концепции, ни фактографических открытий. Казалось, все, что он сделал, — это свел воедино несколько хорошо известных жизненных фактов и сделал из них необходимые выводы. В самом деле, разве население не растет всегда лишь постольку, поскольку оно может себя прокормить? И разве бесконтрольное размножение человека не привело бы вскоре к невозможной ситуации при любом темпе роста средств существования? Знаменитое противопоставление двух видов прогрессий, предложенное Мальтусом, — геометрической для прироста населения и арифметической для прироста продовольствия — действовало с гипнотической убедительностью лозунга или рекламы. Легко было увидеть: "даже поверхностное знакомство с цифрами покажет", как говорил **Мальтус**, **что** если прирост выражается сложным процентом, то самое малое конечное число при самом низком темпе в конце концов станет больше самого большого числа, рост которого выражается простым процентом (сравните: $2 + 4 + 8 + 16 + 32 \dots$ и $1000 + 1003 + 1006 + 1009 + \dots$). Добавочное население будет воспроизводиться дальше (отсюда и сложный процент), а прироста добавочных продовольственных ресурсов не будет. Следовательно, при любой исходной ситуации вскоре "все билеты будут проданы". Читатель в такие моменты не склонен вспоминать **о** том, **что** в реальной жизни просто не бывает бесконтрольного роста населения биологически предельным темпом, а потому все такого рода выкладки, пусть самые жуткие, оставляют основную гипотезу недоказанной*.

3. Эмпирическое содержание теории Мальтуса

Мальтус приводил в защиту своей теории и логику, и факты, но и то и другое не слишком тщательно. Он не сомневался: то, что мы называли первичной аксиомой, действительно верно. Из данных сомнительной американской статистики, не делавшей разницы между числом родившихся и числом иммигрантов, он сделал вывод, что при неконтролируемом размножении численность населения будет удваиваться каждые 25 лет; это означает прирост почти на 3% ежегодно (на самом деле биологический предел прироста — 5% в год). При 3%-м приросте, т. е. по Мальтусу, нынешнее население Земли, составляющее 4,5 млрд. человек, достигнет 9 млрд. к 2008г. Это показывает, насколько небольшая разница в среднегеометрических темпах роста может сказаться в такой короткий срок, как 24 года. Имея в виду, что в **цивилизованных** обществах, как известно, уже очень давно темп прироста населения снижается, можно считать слишком смелым предположение Мальтуса **о** том, **что** темп в 3% будет всеобщим. Важнее, однако; другое: он признавал, что в американских колониях не было снижения жизненного уровня населения. Из этого следует, что производство

* Пиши Мальтус свою книгу в наши дни, он, без сомнения, сослался бы на недавние расчеты, показавшие, что если бы человеческий род пошел от пары, жившей 10 000 лет назад, и размножался бы даже не биологически предельным темпом, а скромным темпом в 1% в год, то к настоящему времени земля была бы шаром из человеческих тел диаметром в несколько тысяч световых лет с поверхностью, расширяющейся в космическом пространстве темпом, в несколько раз превышающим скорость света.

средств существования **там** тоже должно было расти средним геометрическим темпом 3% в год. Однако этого он не признавал, настаивая, что "не известны случаи", чтобы производство средств существования росло сколько-нибудь устойчивым средним геометрическим темпом. Но если производство средств существования растет только в арифметической прогрессии, как могло население расти в геометрической и не умирать с голоду?

Отождествляя "**средства существования**" с пищевыми продуктами, он хотел показать согласно логике того времени, что быстро увеличивать производство продовольствия просто не представляется возможным, так как ресурсы земли ограничены, а технические усовершенствования в сельском хозяйстве идут слишком медленно. Для подтверждения своей правоты у него была магическая формула: закон убывающего плодородия почвы. Но Мальтус не только утверждал, что приращение земельного фонда обходится все дороже, он еще полагал, что накопление капитала и изменения в технологиях никогда не смогут компенсировать ограниченность природных ресурсов. Однако для технического прогресса не существует *закона* убывающей эффективности. Закон убывающей эффективности, если правильно его понимать, — это статическая модель: отдача факторов производства в различных соотношениях при данном уровне технического прогресса и она не имеет ничего общего с динамической проблемой реально растущего населения, которое обрабатывает данную земельную площадь при непрерывном совершенствовании технологии обработки. Перепутать **эти** вещи — это все равно что подменить верный лишь для строго определенных условий закон Галилея о падении тел в полном вакууме рассуждениями о том, что бывает, когда с башни падают перышко и кожаный мяч.

В первом издании своего "Опыта" Мальтус не упоминал тенденцию убывающего плодородия почвы, а в шести последующих изданиях и даже в своей последней публикации **на** эту тему — "**Общем** взгляде на проблему **народонаселения**" — **он** показал, **что** явно предпочитает обращаться напрямую к интуиции читателей вопреки строгой формулировке своего закона. **Во** всем литературном наследии Мальтуса присутствует неопределенность относительно того, какой вариант закона убывающего плодородия относится к сравнительным темпам роста населения и средств существования. В "Общем взгляде" нам сначала говорят, что возможности производства пищи "явно ограничены недостатком земли... и снижением того прироста продукта, который должен быть получен постоянному приложению добавочных капиталов к уже обрабатываемой земле". Здесь статический закон дан в неполной формулировке, подразумевающей не столько предельный, сколько средний показатель эффективности. Страниц через десять нас уверяют, что "хотя благодаря экономии труда и улучшенной системе животноводства в оборот могут быть введены худшие земли, чем те, которые использовались прежде, однако полученное таким образом добавочное количество жизненных благ никогда не будет настолько велико, чтобы в течение сколько-нибудь долгого времени перекрывать действие принудительных и предупредительных ограничений роста народонаселения". Здесь нам предлагается сомнительная динамическая теория убывающей эффективности технического прогресса, столь характерная для всех рассуждений классиков о вековых тенденциях в сельском хозяйстве.

По существу, Мальтус противопоставил *гипотетическую* способность населения к росту в определенном темпе *фактической* невозможности увеличивать продовольственные ресурсы тем же темпом. На первый взгляд может показаться, что это положение не проверяемо. Но именно это положение является главным звеном в рассуждении Мальтуса о том, что рост населения не ограничивается ничем иным, кроме страха голода. Следовательно, давление населения на наличные продовольственные ресурсы существует всегда. Как указывал Мальтус в своей переписке с Нассау Сениором, "**население**, за исключением новых колоний, где условия благоприятнее, всегда давит на продовольственные ресурсы и всегда готово размножаться быстрее, чем растет пропитание". Из этого следует явно ложный вывод, что жизненный уровень не может устойчиво повышаться в "старых" странах с растущим населением. В первом

издании своего **“Опыта”** Мальтус именно это и утверждал. Но во втором издании он добавил ограничение: “[нравственное] воздержание от брака, не приводящее к беспорядочным удовольствиям”. Под **этим** он подразумевает просто поздние браки и строгое воздержание в добрачный период; он порицал противозачаточные меры при любых обстоятельствах как **“безнравственные”**. Это новое условие превращало теорию Мальтуса в нечто предельно обобщенное и столь же пустое: улучшение условий жизни доказывает, что нравственное обуздание препятствует росту народонаселения; ухудшение же условий жизни доказывает, что отсутствие благоразумия ведет к нищете и пороку.

Любого оппонента, приводившего свидетельства в пользу того, что средства существования растут быстрее, чем население, утихомиривал логический вывод: значит, рабочий класс практикует **“нравственное”** обуздание. Оставалось лишь одно возражение: показать, что средний брачный возраст на самом деле не повысился и уровень внебрачных **рождений** не понизился. Поскольку демографическая статистика того времени не могла подтвердить ни **того**, ни другого, оборона Мальтуса становилась непробиваемой. Находились немногие, кто оспаривал его теорию, подвергая сомнению тезис, будто контроль над рождаемостью — это “нищета и порок”. Здесь довод Мальтуса был весьма прост: человек по своей природе существо **ленивое**, праздное, не склонное трудиться, если ему будет дано легко уйти от ответственности за плоды его “естественных страстей”. Мальтусу достаточно было сослаться на общественное мнение своего времени, чтобы с легкостью отвергнуть все так называемые неомальтузианские ограничения “как по причине их безнравственности, так и потому, что они устраняют необходимые побуждения к усердному труду”.

Таким образом, теория народонаселения Мальтуса оказалась в опасной близости к тавтологии в обличье теории. Если мы соглашаемся с Мальтусом в том, что контроль над рождаемостью — вещь морально предосудительная, на его стороне история роста народонаселения в течение последних двух столетий: численность населения не тормозилась ничем, кроме “нищеты и порока”. **Если** же мы, напротив, находим контроль над рождаемостью морально оправданным, Мальтус опять-таки прав: **“нравственное”** обуздание в широком смысле слова — **это** одно из ограничений роста населения сверх ресурсов продовольствия. Теорию Мальтуса невозможно опровергнуть, так как она неприменима ни к каким вероятным или действительным демографическим тенденциям: она претендует на то, чтобы описывать реальный мир, но ее описание справедливо по определению ее собственной терминологии.

Статистические выкладки Мальтуса неубедительны не столько потому, что ему не хватало доброкачественной статистики, сколько из-за неспособности его теории выдержать столкновение с эмпирическими данными. **Кейнс** как-то похвалил цифровой и фактический материал Мальтуса как “доказательство, выведенное индуктивным путем”, и даже Маршалл отдал должное тому, что он назвал “первым случаем основательного применения индуктивного метода в общественных науках”. Но Мальтус был ближе к делу, когда в предисловии ко второму изданию своего **“Опыта”** заметил, что, “если какие-либо ошибки, помимо моей воли, вкрались в эту работу, они не могут иметь значительного влияния на сущность моих соображений”.

4. Автоматические ограничения

Критики Мальтуса иногда высказывают мысль, что он ввел читателей в заблуждение у него биологически допустимый темп роста населения намного выше реальных темпов. Но методологически непозволительно запрещать гипотезы, постулирующие абстрактные тенденции, не наблюдаемые в действительности в чистом виде, без каких-либо возмущающих воздействий. Необходимо только, чтобы гипотеза имела предсказуемые последствия. На практике для этого обычно требуется показать, что “чистая” тенденция в каком-то смысле независима от противодействующих факторов, так что отклонениям, вызванным теми или иными “трениями”, можно дать количественную оценку. Вспомним еще раз о роли полного вакуума в Галилеевом законе падающих тел: Галилей установил точные условия, для которых его закон

верей, а также точную меру воздействия таких "трений", как сопротивление **воздуха**, которое может быть причиной отклонения от закона вне лаборатории, в реальных условиях. Но у Мальтуса ограничители сами по себе суть результаты давления роста народонаселения, а нравственное обуздание допускается как автоматический **ограничитель**, вызываемый ростом населения. Не всегда осознается, что в последних разделах "**Опыта**" Мальтус на самом деле признал все, что выдвигали против него тогдашние критики от Годвина до Сениора, однако **он не** мог признать их замечания слишком явными в ходе изложения своей системы, не разрушая ее.

Именно Сениор первым разделил потребительские товары на предметы "**необходимости, благоприличия и роскоши**". По мере экономического развития роскошь для одного поколения становится приличием для следующего, а для дальнейших, возможно, и необходимостью. Сениор подчеркивает, что желание сохранить свой уровень жизни, надежда перейти к более высокому социальному статусу — это такие же сильные мотивы поведения, как стремление к браку и продолжению рода. Поэтому с повышением жизненного уровня вступают в действие автоматические ограничители роста народонаселения. Мальтус отрицал практическое значение для трудящихся классов такого мотива, как "**желание** улучшить свои условия"¹, и с особым упорством отвергал утверждение Сениора, **что** этот мотив автоматически становится ограничителем. По мнению Мальтуса, проблему можно решить только улучшением нравов и упрочением религиозных обычаев. Все же в своем "**Опыте**" он не раз говорит о том, что в Англии явно распространены "вкус к жизненным удобствам и комфорту, желание улучшить свое положение (важнейший источник общественного благоденствия)", вследствие чего "можно наблюдать господство самого похвального духа усердия и благоразумия... среди весьма широкого класса людей". **А** в последней главе своей книги, названной "Наши разумные ожидания по поводу дальнейшего усовершенствования общества", он возложил всю надежду на "очевидно узкий принцип своекорыстия, который предписывает каждому из нас прилагать все силы ради улучшения своего положения". Посвятив целую книгу доказательству того, что лишь невообразимыми усилиями можно предотвратить голод и болезни, он заключает на последних страницах книги, что дух соперничества и состязания будет все более действенным ограничителем во всех "**цивилизованных и густонаселенных**" странах.

Кто-нибудь скажет, что это чересчур — требовать, чтобы теория, описывающая исторические тенденции, к тому же еще и выявляла степень независимости противодействующих факторов от самой господствующей тенденции. Такое требование можно предъявлять к естественным наукам, но от общественных нельзя требовать подобного совершенства. Однако можно согласиться хотя бы с тем, что даже в общественных науках следует определять время, в течение которого ведущая тенденция может дать ожидаемый результат. Очевидно, что, если не определен отрезок времени, в течение которого предсказание может быть проверено на достоверность, мы не можем опровергнуть и соответствующую теорию; в любой момент нам скажут: "Подождите, посмотрите еще". Таким образом, в области общественных наук многие теории, которые выглядят научно, так как на их основе делаются конкретные прогнозы, на самом деле оказываются лишенными эмпирического содержания. Теория Мальтуса — один из лучших образцов такого метафизического теоретизирования в истории западной мысли. Он выдумал игру, с которой мы будем встречаться снова и снова; ее можно было бы назвать "апокалиптической обманчивостью" — именно так можно выразить характерную для нее склонность к предсказаниям без границ во времени. Читатель еще увидит, что в истории экономической мысли величайшим мастером "апокалиптической обманчивости" был не Мальтус, а Карл Маркс.

В указанном свете легко понять, почему Мальтуса так поразительно мало интересовали законы роста народонаселения; **он** не хотел учитывать временной лаг, необходимый для реакции населения на изменившийся уровень средств существования, и никак не упомянул о половозрастной структуре населения, особенно об удельной доле женщин фертильных возрастов, которая существенна для способности населения к росту. Во всех своих трудах он явно рассматривал уровень рождаемости вне связи с

уровнем смертности, а ограничения роста населения — вне связи с его численностью. Он читал Адама Смита и знал о том, что во всех обществах размер семьи находится в обратной зависимости от уровня семейного дохода, **но он** не сделал серьезных выводов из этого факта. И в том, что впоследствии рост населения стали рассматривать в принципе как лежащий вне сферы материальных условий и экономической науки, несомненно, немалая заслуга **Мальтуса**.

5. Теория оптимальной численности населения и прожиточного минимума заработной платы

Одна из трудностей интерпретации теории Мальтуса состоит в точном определении понятия перенаселенности. Если мы допустим, что Мальтус под перенаселенностью имел в виду ситуацию, когда население слишком велико, чтобы прокормиться отечественным продовольствием, то возможностей внешней торговли вполне достаточно, чтобы прогнать Мальтусов призрак голода. Но иногда Мальтус, а также Нассау Сениор и Джон Стюарт Милль давали более существенное определение: население слишком велико для достижения максимальной эффективности производства, и сокращение его численности повысило бы среднедушевой доход. В 1920-х годах это положение сформировалось в виде так называемой теории оптимальной численности населения: если население того или иного региона слишком малочисленно для ведения эффективного производства — а **“разделение труда ограничивается масштабом рынка”**² — или, напротив, слишком многочисленно, то очевидно, что может существовать некая промежуточная точка, в которой численность населения оптимальна. Иначе говоря, оптимальна та численность **населения**, при которой доход на душу максимален. Из этой концепции оптимальной численности следует, что тенденция снижения уровня заработной платы до прожиточного минимума свидетельствует о **перенаселенности**. См. рисунок 3-1: если заработная плата в расчете на одного рабочего равна прожиточному минимуму, то для равновесия численность населения должна быть равна **B**. При меньшем **населении** будет производиться больше дохода, чем нужно для поддержания прожиточного минимума, и, следовательно, население будет расти; но прирост выше точки **B** будет сдерживаться “принудительными” ограничениями. Улучшение технологий или расширение внешней торговли сдвинет кривую доходов вверх (см. пунктирную линию на рис. 3-1) и вызовет прирост населения, предел которому положит возвращение заработной платы к величине прожиточного минимума.

Эта трактовка теории опирается на совершенно механическое понимание связи между уровнем заработной платы и численностью населения. На самом деле заработная плата может быть на уровне прожиточного минимума при населении, равном **A** — когда страна не “пере”, а недонаселена, — по той простой причине, что рост населения не поспевает за техническим прогрессом. По мере адаптации рабочие привыкают к более высокому жизненному стандарту; прожиточный минимум поднимается, а рост населения замедляется до тех пор, пока технический прогресс не дает

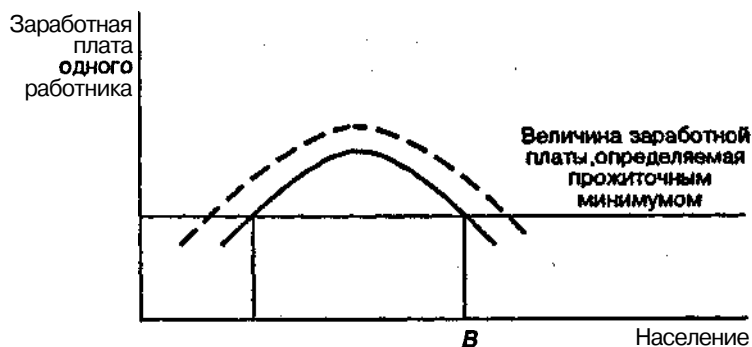

Рис. 3-1

этому процессу новый толчок. Если прожиточный минимум — это не биологически необходимая сумма благ, а, как любил подчеркивать Рикардо, функция **“привычки и обычая”**, то утверждение, что **“заработная** плата находится на уровне прожиточного минимума”, не дает возможности судить о желательной численности населения.

Можно увидеть, как несправедливы расхожие представления **историков-обществоведов**, будто бы экономисты-классики были **“пессимистами”**, убежденными в наличии тенденции сохранения заработной платы на уровне прожиточного минимума. У них могли быть другие основания для пессимизма, но все они без исключения считали, что жизненный уровень рабочих может быть повышен. Механизм взаимозависимости заработной платы и численности населения использовался для демонстрации полной эластичности долговременной кривой предложения труда, из которой следует, что заработная плата определяется предложением независимо от спроса. Тем не менее обычно **признавалось**, что в реальной жизни для адаптации к повышению заработной платы может потребоваться не менее целого поколения. В своих *“Принципах”* (1820) Мальтус замечает, что **“внезапный прирост капитала может сопровождаться соответствующим предложением труда не ранее чем через 16-18 лет”**. Это была первая констатация факта, что между повышением заработной платы и ростом населения всегда есть некоторый разрыв во **времени**. Пока сохраняется этот лаг, реальная заработная плата будет увеличиваться, что, в свою очередь, изменяет ее равновесный уровень, соответствующий прожиточному минимуму. Уже одно это — без всяких соображений о **“нравственном обуздании”** или контроле над рождаемостью — позволяет **думать** о более светлом будущем, сохраняя теорию прожиточного минимума как аналитический инструмент.

Вполне очевидно, что *теория* прожиточного минимума заработной платы — это никакая не теория: прожиточный минимум берется как нечто данное, обусловленное тем, как трудовое население относится к продолжению рода, а также, по-видимому, общим уровнем медицинских познаний. Это всего лишь один из примеров классической **склонности** упрощать анализ, уменьшая число переменных, подлежащих определению. Теория прожиточного минимума заведомо не годится для определения заработной платы в какой-либо конкретной ситуации из-за своей безнадежной неоднозначности: мы не можем знать, о каком отрезке времени идет речь. Например, если заработная плата равна прожиточному минимуму, это значит, что рабочие воспроизводят свою численность в пределах возмещения естественного выбытия: в каждой семье по двое детей (мы отвлекаемся от детской смертности). Но поскольку прирост народонаселения обычно составляет положительную величину и численность рабочей силы все время увеличивается, постольку **“рыночный”** уровень заработной платы всегда и в любой момент должен быть выше, чем **“естественный”** прожиточный минимум. Какова же настоящая природа того регулирующего механизма, который снижает заработную плату, — в том ли она, что иные дети, которые при иных обстоятельствах могли бы умереть в младенчестве, доживают до трудоспособного возраста? или в том, что добавочный доход идет на увеличение рождаемости? А может, смертность ни при чем, а рождаемости дано расти так медленно, что душевой доход постоянно возрастает? Названная теория нам ничем здесь не поможет. Но это те вопросы, на которые нужно иметь ответы, если мы хотим предвидеть жизненный уровень будущего.

6. Мальтузианство сегодня

Концепция оптимальных размеров населения — вещь, полезная для умственного развития, но справедливости ради следует сказать, что от нее мало пользы для решения социальных вопросов. На практике проблема перенаселенности состоит не в том, чтобы убрать разрыв между реальной и оптимальной численностью населения страны, но в том, чтобы направить **рост** по какой-то оптимальной траектории во времени. Даже если бы удалось обнаружить, что данная страна в какой-то момент оказалась перенаселенной, процесс движения к оптимуму может сместить самую точку оптимума; данная теория ничего не может сказать об оптимальном направлении роста и даже

не гарантирует сохранение однажды достигнутого **оптимума**. Это напоминает проблему динамического равновесия в теории **цен**, и здесь такое сравнение особенно уместно, так как положительный темп роста народонаселения является, по-видимому, одним из обязательных условий достижения максимального дохода на душу населения, — в указанном смысле оптимальная численность населения есть неизбежно показатель динамический, а не статический.

Достоинство теории оптимальных размеров населения состоит в том, что она обеспечивает аналитическую основу, которая позволяет судить о "пере" - или недонаселенности. Но подобно мальтузианской теории она ничего не может сказать по поводу важнейшей проблемы факторов, определяющих рост народонаселения. Конечно, хорошо известно, что уровень санитарии и развитие медицины влияют на динамику смертности. Менее ясны законы **рождаемости**. Однако мальтузианская теория не дает возможности изучать уровень рождаемости • какой-либо связи с общепринятой экономической теорией, и на первый взгляд трудно понять, отчего позднейшие экономисты не следовали классическому способу объяснения динамики рождений. Отличительная особенность классической теории народонаселения состоит в том, что она рассматривает "производство **детей**" не как трату дохода на "потребительские **блага**" ради текущего удовлетворения **души**, а как вложения в "капитальные блага", которые принесут отдачу в будущем. По мальтузианской теории получается, что потомство производится при постоянных издержках — повышение спроса на труд непременно создает дополнительные доходы, превосходящие эти издержки, и таким образом ведет к увеличению рождаемости. Но более реалистично **предположить**, что издержки "производства детей" возрастают **как** в смысле текущих затрат на воспитание ребенка, так и в смысле упущенного заработка матери. Рост народонаселения обычно связан с его сосредоточением в городах, где потенциальные заработки матерей растут, школьный возраст удлиняется, и все вместе увеличивает издержки на детей. В то же время ослабление семейных связей, сопровождающее процесс индустриализации, уменьшает ожидаемую отдачу от детей **в виде** их расходов на обеспечение родителей в старости. Если сопоставить постоянный рост расходов на воспитание детей со снижением ожидаемой отдачи, то не приходится удивляться тому, что в **промышленно** развитых странах рождаемость есть убывающая функция от национального дохода. Исходя из такого рода простейших соображений, можно было бы построить экономическую теорию роста народонаселения в духе классической экономической науки.

Однако никто из экономистов после Мальтуса, по крайней мере до самого последнего времени, не пошел по этому пути. Снижение рождаемости во второй половине **XIX** в. было объяснено внешней причиной: изменением "склонности к продолжению рода". На **деле** же экономисты попросту перестали заниматься исследованием законов народонаселения. В результате они оказались не готовыми к пониманию ставших крайне актуальными после второй мировой войны проблем перенаселенности **слаборазвитых** стран. Трудности, переживаемые многими слаборазвитыми странами в **настоящее** время, связаны **с** тем, что рождаемость у них высока, как в аграрных странах, а смертность низка, как в странах индустриальных. Со временем, по мере экономического развития, эти трудности будут изживаться, **как они** были изжиты в промышленно развитых странах Европы, но несколько поколений жителей слаборазвитых стран еще будут стоять перед выбором: либо, по Мальтусу, рост их населения будет контролироваться голодом и болезнями, либо им придется так или иначе прибегать к сознательному ограничению рождаемости в конфликте с господствующими религиозными обычаями. Как всегда, у обоих вариантов есть рьяные приверженцы: неомальтузианцы стоят на том, что в отсталых странах все усилия экономической модернизации следует подчинить задаче контроля над рождаемостью и предпринимать только после успешного решения этой задачи, а некоторые марксисты и большинство католиков отвергают любые попытки контролировать рождаемость, считая этот контроль либо неэффективным без индустриализации, либо аморальным по сути. В этих спорах до сих пор на разные лады склоняется имя Мальтуса, хотя трудно всерьез поверить в то, что теория народонаселения Мальтуса имеет отношение к современным демографи-

ческим проблемам, — она никак не объясняет падения рождаемости в развивающихся странах, мало что может сообщить о демографической связи между рождаемостью и смертностью, безмолвствует об экономических последствиях сдвигов в возрастной структуре населения, и она бессильна при выработке политики для регионов с тяжелыми проблемами перенаселенности.

Если бы теория Мальтуса была настоящей теорией, мы бы задали вопрос: а что произошло бы, окажись она неверной? И получили бы (должны были получить) **ответ:** с ростом численности населения среднедушевой доход должен не падать, а повышаться. Таким образом, история западных стран не подтверждает теорию Мальтуса. Защитники Мальтуса говорят: а современная Индия? Нет спора, Индия — страна перенаселенная и бедная. Она перенаселена потому, **что** с применением западной медицины смертность понизилась и рост населения был оторван от текущего уровня дохода. Следовательно, Индии было бы полезно также **“вестернизировать”** свою норму рождаемости. Но что общего имеет такой совет с мальтузианской теорией народонаселения?

УБЫВАЮЩАЯ ОТДАЧА И ТЕОРИЯ РЕНТЫ

В центре внимания мальтузианской теории народонаселения была проблема ограниченных ресурсов земли. В числе **“побочных продуктов”** этой теории оказались концепция убывающего плодородия почвы и — что более удивительно — теория, объясняющая природу земельной ренты. Эти две идеи так тесно переплелись, что и появились на свет одновременно, вместе с другими откликами на публикацию **“Опыта”** Мальтуса.

В 1815 г. в Англии были опубликованы четыре трактата — **Уэста**, Торренса, Мальтуса и Рикардо. В каждом независимо от остальных была сформулирована теория дифференциальной ренты. Каждая работа на свой лад отвечала за создание парламентского комитета для рассмотрения проблемы цен на зерно, которые упали незадолго до этого, и каждая начиналась с указания на связь между высокими ценами на зерно и вовлечением в обработку менее плодородных и менее пригодных земель в период наполеоновских войн. Все четыре автора согласно указали, что объяснением служит феномен убывающего плодородия — “тот принцип”, по определению Уэста, “что по мере улучшения обработки получение сырого продукта обходится все дороже и дороже”. “При равных количествах работы, — разъяснял **Уэст**, — каждое дополнительное вложение в сельское хозяйство в действительности **дает** все меньшую отдачу... В то же время очевидно, что в промышленности равное количество труда всегда производит одно и то же количество изделий”. Формулировку Уэста можно истолковывать таким образом, что данный **“принцип”** верен только при определенном состоянии технологии; но на самом деле Уэст, подобно Торренсу, Мальтусу и Рикардо, считал, что в сельском хозяйстве отдача действительно падает с течением времени, невзирая на изменения в технологии. Из всех четырех авторов он один высказывался об этом самым определенным образом: “Необходимость прибегать к использованию худших земель, нежели те, которые уже находятся под пашней, или к более дорогостоящей обработке одних и тех же земель приводит к тому, что по мере совершенствования методов труд в земледелии становится менее производительным... [что] более чем съедает эффект от механизации и разделения труда в сельском хозяйстве”.

Лишь позднее, в 1830-х годах, последователи Рикардо начали отходить от того, что Кеннан позднее определил как **“весьма грубое обобщение об убывающей отдаче, наспех выведенное из опыта великой войны”**, и формулировать “псевдонаучный закон тенденции к снижению отдачи”. Важно не то, был ли он псевдонаучным, а то, что экономисты-классики рассматривали закон убывающей отдачи как простое обобщение каждодневного опыта, а современные экономисты рассматривают его как утверждение о том, что будет, если мы увеличиваем затраты одного фактора производства при постоянной величине остальных факторов. В реальном мире очень трудно найти подтверждение этому современному определению.

7. Закон убывающей отдачи

Г

Неопределенная ссылка на **“равное”** количество работы”, которая содержится в данном Уэстом определении **“закона”** убывающей отдачи, весьма показательна для тогдашней теории ренты. Как показал впоследствии Рикардо, на самом деле Уэст имел в виду некую однородную единицу, представленную комбинацией капитала и труда в определенной пропорции и прилагаемую к земле последовательно равными порциями; несмотря на упоминание **отрех факторах производства — труде, капитале и земле**, данное рассуждение лежит в плоскости двухфакторной модели. Кроме того, величина, объявленная убывающей, — это средний, а не предельный продукт труда и **капитала**. Но такое смешение понятий — пропорционального и приростного снижения отдачи — для большинства задач не столь существенно: при монотонном снижении среднего продукта всегда уменьшается и его прирост, хотя обратное справедливо не всегда*.

Все четыре автора считают, что закон убывающей отдачи верен только для сельского хозяйства, и в поисках доказательства обращаются либо к истории, либо к логическому выводу из того факта, что в любое время в обработке находятся различные по плодородию участки. Если на участке земли данного плодородия можно увеличивать прирост продукта при постоянных или снижающихся затратах, тогда зачем обращаться к худшим участкам? Но введение худших земель в сельскохозяйственный оборот отнюдь не доказывает повсеместного убывания отдачи на равные затраты труда, приложенные к одинаковым участкам земли при неизменном техническом уровне, — от некоторых участков отдача может расти, хотя и не тем темпом, каким снижается отдача от других участков. Далее, распашка земель — процесс долговременный, причем технический уровень обработки все время меняется; поэтому, **даже** если плодородие всех нераспаханных земель известно и ему дана точная оценка, при улучшенной технологии обработки даже те участки, которые считались невыгодными, могут стать выгодными. При новом уровне технических знаний территории, которые распахиваются в последнюю очередь, могут показать большую урожайность, чем освоенные ранее.

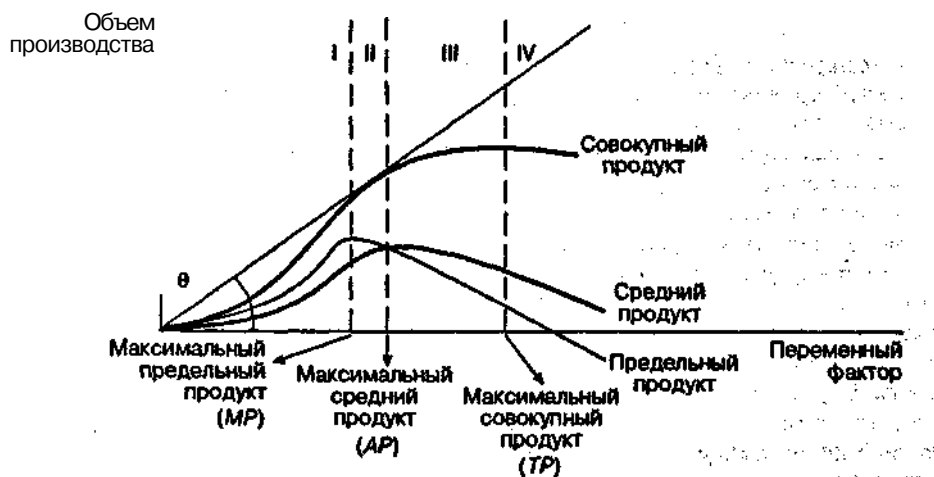

Рис. 3-2

* Если у нас один фактор постоянный, а другой — переменный (см. рис. 3-2), то мы получаем типичную кривую совокупного продукта (TP); средний продукт (AP) равен углу наклона прямой, проведенной из точки начала координат к любой точке кривой (TP), или тангенсу θ , а предельный продукт (MP) равен углу наклона касательной, проведенной к любой точке кривой TP; оба угла наклона равны только в той точке, где кривая AP достигает максимума. Рациональный выбор факторов дает возможность не принимать во внимание зоны I и IV. Поскольку кривая MP достигает максимума раньше, чем AP, в зоне II AP еще увеличивается, тогда как MP уже уменьшается. Только в зоне III обе кривые идут вниз одновременно. Следовательно, при падении ЛЯ всегда снижается и MP, но не наоборот.

В следующие десятилетия некоторые экономисты из числа менее известных пытались доказать снижение отдачи методом "приведения к нелепости". Если добавочные затраты труда и земельные площади в обработке дают пропорциональный или увеличенный прирост продукции, то в конце концов весь хлеб, необходимый целой стране, можно выращивать в **одном-единственном** цветочном горшке; поэтому расширение обрабатываемых площадей доказывает наличие убывающей отдачи. Но даже при условии, что **отдача** растет, хлеб для целой страны нельзя вырастить в цветочном горшке, если отдача от него растет не так быстро, как от реального производства, — расширение обрабатываемых площадей совместимо с увеличением отдачи.

И позднее некоторые экономисты классического направления считали, что при постоянной площади обрабатываемой земли в конце концов гарантирована убывающая **отдача**. Но это верно лишь в том **случае**, если мы работаем с **двухфакторной** моделью. Как только допускается третий фактор, соотношение между капиталом и трудом может увеличиться настолько, что компенсирует повышенные трудовые затраты в расчете на площадь обрабатываемой земли даже без изменений в технологии, — постоянный размер земельной площади ничего не значит с точки зрения доказательства закона убывающей отдачи. Проблема состоит в точном определении того, что **же** мы понимаем под убывающей отдачей, **а** в этом направлении до начала **XX** в. было сделано весьма **немногое**; даже в "**Принципах**" Маршалла трактовка этой проблемы составляет желать лучшего [см. главу 10, раздел **16**].

Если допустить, что закон убывающей отдачи в какой-то мере характеризует не столько экстенсивную, сколько интенсивную обработку земли, тогда из этого следует, что цена регулируется наихудшими условиями производства продукции. Это представление разделяли все четыре автора брошюр, вышедших в свет в **1815** г., и они сделали вывод, что рента — это излишек продукции фермера, работающего в предельных условиях, над затратами его капитала и труда. В переводе на современный язык это значит, что цена определяется предельными издержками, но предельные издержки фермера, работающего в предельных условиях, выше его средних издержек, и именно этот излишек **уплачивается** землевладельцу в виде ренты.

8. Дифференциальная рента

Будем конкретнее. Теория дифференциальной ренты формально идентична теории предельной производительности, **хотя** в данном случае предельные приращения чрезвычайно велики, тогда как согласно предельному анализу они должны быть пренебрежимо малы. Предположим, у нас есть перечень данных о пшенице, выращенной на пяти категориях земли равной площади (см. табл. 3-2). Отсюда мы рассчитываем приросты продукции, получаемой в результате приложения все больших и больших порций "капитала-и-труда" (рис. 3-3)*.

Допустим, цена у нас равна \$1 за бушель пшеницы, так что таблицу физических объемов можно перевести в денежные единицы, приписав перед каждой цифрой значок \$. Цена однородной порции "людей-с-лопатами" — \$140. Каждый фермер на каждом из различных по плодородию участков будет прилагать порциями этот переменный фактор до тех пор, пока прирост дохода будет больше прироста издержек. Поскольку комбинированные единицы "капитала-и-труда" неделимы, фермер *E* сочтет выгодным вложить только одну единицу. Конкуренция уравнивает предельную производительность "капитала-и-труда" — в стоимостном измерении — на всех участках; следовательно, на участке *D* будут применены две единицы "капитала-и-труда", на участке *C* — три и т. д. Участок *A* даст продукта на \$800 при вложении пяти единиц "капитала-и-труда" — сумма их предельных продуктов при издержках в \$700. Следовательно, рента **для A** равна \$100; для *B* — \$60; для *C* — \$10 и для *E* равна нулю. При движении по горизонтали *E* — это экстенсивный предел обработки земли, качество которой таково, что **она** дает всего продукта на \$140, а это лишь равно затрате

* В данном тексте мы пишем "капитал-и-труд" через дефисы в тех случаях, когда имеем в виду некую однородную единицу, или порцию, обоих **факторов**.

Таблица 3-2

«Капитал-и-труд»	Совокупный продукт земледелия					Предельный продукт земледелия				
	A	B	C	D	E	A	B	C	D	E
0	0	0	0	0	0					
1	180	170	160	150	140	180	170	160	150	140
	350	330	310	290		170	160	150	140	
3	510	480	450			160	150	140		
4	660	620				150	140			
5	800					140				

«капитала-и-труда» (\$140). Но если этим на участке **Е** окупается приложение ресурсов, то окупается и более интенсивное их применение на участках **А, В, С и D** до тех пор, пока интенсивный предел обработки земли не сравняется с экстенсивным пределом. При движении по вертикали интенсивный предел — это замыкающий прирост переменного фактора, добавляющий к продукту лучшего участка ровно столько же, сколько и к издержкам (\$140).

Легко показать, что определяемая таким образом рента равна предельной производительности земли. По теории Рикардо, переменный фактор получает вознаграждение, равное его предельному продукту, а постоянный фактор получает соответствующий остаток прироста продукта. Оставляя **«капитал-и-труд»** постоянными и изменяя площадь обрабатываемой земли до тех пор, пока ценность продукта последнего добавочного акра не сравняется с издержками производства этого продукта, мы в расчете на акр получаем рентный остаток, идентичный ренте, исчисленной как предельный прирост на переменное количество фактора «капитал-и-труд», прилагаемого к постоянной площади земли. Предположим, что мы изъяли из оборота единицу земельной площади, скажем **категории В**. Тогда совокупный продукт уменьшится на

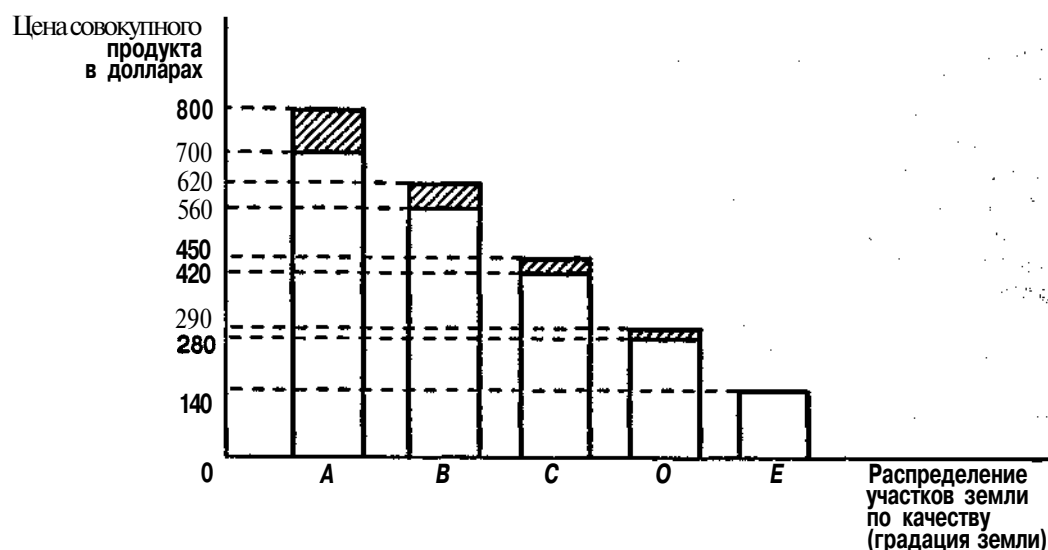

Рис. 3-3

\$620. У нас высвободятся **четыре** единицы **“капитала-и-труда”**, которые теперь будут использованы как интенсивные добавки на **землю А, С и Е** где (не будем обращать внимания на слишком большие цифры в данном примере) они дадут продукт на сумму **\$560**. Следовательно, предельная ценность продукта на участке **В** равна \$60 — та же цифра, которая выше представляла ренту, исчисленную как остаток прироста продукта.

9. Альтернативная стоимость земли

Однако у теории Рикардо есть одна особенность, которой нет у современных методов анализа производительности. Теория Рикардо рассматривает только одну разновидность ренты — сельскохозяйственную; более того, это рента за **“сырой продукт”** сельского хозяйства вообще, а не рента за землю, отведенную под какой-то определенный вид продукта. Считается, что земля, используемая как пашня, не может использоваться альтернативно как пастбище; труд и капитал изменяются от одного участка к другому, но применение самой земли остается неизменным. Отсюда и фигурируют в классической теории ренты большие предельные величины: считается, что земля берется в обработку свободно по мере надобности из не дающего отдачи фонда, а не отвлекается от другого **использования**, приносящего ренту. Поскольку же фонд земли ограничен и она используется **одним-единственным** способом, получается, что рента детерминирована ценой, а не **наоборот: “Не** потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб **дорог”**, — как сказал Рикардо. Но, как указал Адам Смит в **“Богатстве народов”** (кн. I, гл. 7), когда рыночная цена товара падает ниже его естественной цены, “интерес землевладельцев немедленно побудит их изъять из обработки часть их **земли**” и использовать ее для получения ренты более высокой, чем дает этот дешевый продукт. Здесь рента — это издержки индивидуального производителя, участвующие в определении цены. **Но** в главе, специально посвященной ренте (кн. I, гл. 11), Смит теряет из виду разнообразие возможностей использования земли и незаметно переходит к представлению о земельной ренте вообще. Последователи Смита, придавая особое значение этому второму варианту его представлений о ренте, без всяких объяснений сделали смелый практический вывод, что альтернативная стоимость (*opportunity cost*) земли равна **нулю**.

Сказанным объясняется та осторожность, с которой Рикардо определил ренту: плата “за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы”. Тем самым из ренты, уплачиваемой по контракту, исключается какой бы то ни было платеж процента на **капитал**, инвестированный землевладельцем в форме зданий, дренажных сооружений, оград **и т. д.**, равно как и доход от разработки **леса** или добычи какого-либо минерального сырья на арендованной земле. Остается чистая рента за “землю”, рассматриваемую как целина и нетронутое сырьевое богатство; это неистощимый и невоспроизводимый ресурс, всегда ограниченный в размерах, полностью специализированный на производстве одной культуры и однородный по качеству, не считая некоторых различий в плодородии и местоположении. Следовательно, у ренты есть два источника. Если земля однородна, ограниченность ее количества порождает **“ренту редкости”**. В данном случае рента — это разница между продуктом всего примененного “капитала-и-труда” и продуктом последнего вложения в качестве предела интенсивного использования. Когда же земли различаются по качеству, ограниченная площадь определенного качества является источником **“дифференциальной ренты”**. Рикардо думал, что в современной ему Европе есть большой запас земель, не дающих ренты, но с точки зрения его теории ничего не изменилось бы, если бы это было не так. Рента уже не была бы чисто дифференциальной, но осталась бы “рента редкости”.

Из положения **о** том, что рента “не входит в цену”, что она не является платой за использование ресурсов, экономисты-классики сделали практический вывод: ничего не изменится, если однажды все землевладельцы исчезнут с лица земли. Экспроприация ренты государством никак не отразится на продукции — разумеется, в том случае, если конфискованы будут чисто экономические ренты. Точно так же если бы

рентные суммы перешли от землевладельцев к арендаторам, цены на сельскохозяйственную продукцию и средняя норма прибыли в сельском хозяйстве остались бы точно такими же, так как перевод дохода не отразится на предельных издержках производства зерна. Но, разумеется, переход рент изменил бы характер расходов и у землевладельцев, и у арендаторов, а вместе с тем изменился бы и спрос на сельскохозяйственную продукцию. Поскольку пределы обработки земли устанавливаются в зависимости от спроса на зерно, изменяются и предельные издержки производства зерна. В принципе **Рикардо** закрыл этот пробел в своей теории, приняв, что спрос на зерно совершенно не **эластичен**. "Потребность в **пище**, — как сказал Адам Смит, — ограничена у каждого человека вместимостью его желудка", так что те же факторы, которые определяют численность **населения**, определяют и объем спроса на "**сырой продукт**". Но фактически необходимость объяснить, как устанавливаются и от чего зависят пределы обработки земли, была попросту **забыта**.

10. Земля как фактор производства

Сердцевина учения Рикардо о ренте сохранила свое значение и для **нас**, хотя и с большими поправками. Джон Стюарт Милль первым понял, что рента, получаемая на участке земли, который используется в какой-либо одной форме, при другом использовании участка превращается в издержки, которые надо оплачивать. Девонс воспользовался этим тезисом, чтобы показать, что в отличие от других хозяйственных ресурсов земля не имеет цены предложения **и** что, напротив, все вложения в нее, если они имеют вполне определенную специализацию, приносят дифференциальную ренту. При любом вложении издержки не могут быть ниже того, **что** оно в состоянии дать по большинству альтернатив выгодного употребления. В наше время это называлось бы "перенесенным доходом" от вложения. Доходы, превышающие эту "перенесенную" величину, составляют ренту; с точки зрения фирмы, вкладывающей средства в использование какого-либо фактора производства, рента есть часть издержек производства; но с точки зрения отрасли или общества в целом рента определяется ценой и может быть обложена налогом без влияния на предложение данного фактора производства. Если предложение данного фактора фиксированно, а его услуги однозначно специализированны, то "**перенесенный доход**" равен нулю и все вознаграждение от услуг этого фактора есть рента — как в данном конкретном случае, так и с точки зрения общества в целом. Но таких факторов, которые не могут быть воспроизведены или приспособлены для каких-то иных целей, не **существует**; в каждом случае все зависит от того, какое время требуется на адаптацию. Например, в краткосрочном плане доход от основного **капитала** — это не процент, а квазирента: имеющиеся налицо машины нельзя ни быстро увеличить в **количестве**, ни адаптировать для какого-то другого назначения. Но в долгосрочном плане можно изготовить другие машины, можно переделать старые для другого назначения; поэтому квазиренты всегда **как бы** размываются. Следовательно, на практике различие между "перенесенным доходом" и рентой всегда очень сомнительно, а вернее **будет** сказать, что ценовая эластичность предложения фактора производства не поддается точному измерению.

Экономисты-классики считали землю "свободным даром природы", особым фактором производства, отличным от рукотворных средств производства и от воспроизводимого трудового ресурса. Но на самом деле природные ресурсы не отличаются от всего класса капитальных благ, которые нужно сначала **приготовить**, а затем **затрачивать** средства на поддержание их в рабочем состоянии. Если "**землей**" мы считаем ресурс, который дан нам природой и может быть использован без затрат, тогда огромнейшие территории любой страны вовсе не являются "землей"; осушенные, расчищенные и удобренные поля — это такой же продукт прошлого труда, как и машины. Если "земля" есть фактор производства, **то** она должна быть уже обустроена, улучшена предыдущими поколениями и передана последующим как свободное благо. Предрасположенность классиков считать землю невоспроизводимой главным образом связана с тем, что ее рассматривали не как экономический, а как физический ресурс. Правда, Маршалл говорил, **что** есть некоторые основания к тому, чтобы рассматривать

территорию как особый фактор производства. С одной стороны, у нее есть свойства некоторых благ длительного пользования, таких, как железнодорожные насыпи, **мосты**, здания, — все это можно поддерживать в рабочем состоянии, затрачивая небольшие средства на текущий ремонт. С другой стороны, в стране с устойчивым укладом жизни увеличивать предложение земли путем осушения болот или орошения пустынь очень дорого, иногда даже невозможно. Следовательно, предложение территории для экономической деятельности, как правило, намного менее эластично, чем предложение капитальных **благ**. Именно это имел в виду Маршалл, когда он говорил, что классический анализ ренты, особенно применительно к условиям такой страны, как Великобритания, по существу, не лишен **смысла**. Некоторые британские экономисты разделяют сочувственное отношение Маршалла к подходу Рикардо к ренте, но большинство современных экономистов расстались с мыслью, что есть какая-то нужда в специальной теории земельной ренты. При долговременном статическом равновесии, где совокупный продукт сводится к заработной плате и проценту как платежам **за** труд и капитал, третьего фактора производства просто не существует, а теория дифференциальной ренты интересна только тем, что она знаменует первое появление маржинального начала в экономической теории.

11. Налог на ценность земельного участка

Теория Рикардо показала, что земельная рента, будучи вознаграждением природного и невоспроизводимого фактора производства, особенно хорошо поддается налогообложению. Джеймс Милль, учитель и ученик Рикардо, первым сформулировал вполне очевидную мысль о том, что все приросты рентного дохода по отношению к некоему базовому году можно без большого ущерба изъять налогом. Самому Рикардо это предложение не слишком понравилось, но при его жизни оно не выходило за рамки чисто научных проблем. Однако с опубликованием в 1848 г. "Начал" Джона Стюарта Милля, в которых была глава, повторившая выводы **Милля-отца**, и с последующим созданием Ассоциации реформы землевладения под эгидой Милля идея получила практическое воплощение. Джон Стюарт Милль предложил полностью освободить от налога текущий рентный доход и облагать им **"будущий"** прирост незаработанной ренты, а именно приращение дохода от повышения цены земли. Генри Джордж в книге "Прогресс и **бедность**" (1879) пошел несколько дальше и предложил конфискацию всех рентных доходов в духе физиократов — меру, которая, как ему казалось, сможет устранить бедность и экономические кризисы, потому что последние суть не что иное, как плоды спекуляций на земельных ценах. Это был бы "единый налог", так **как** ему казалось, что поступлений хватило **бы** на покрытие всех расходов государства. Его предложения были плохо поняты и неверно истолкованы отчасти потому, **что** сам он сформулировал их очень плохо, создав впечатление, будто бы он выступает в пользу национализации земли. На самом деле он только предложил обложить налогом чистую земельную ренту за вычетом доходов от улучшения качества земельных участков. Короче говоря, "единый налог" был задуман для того, чтобы свести к нулю цену земли как пространства, ие трогая рентные доходы от собственности, находящейся на этой земле; его целью было уравнивание всей собственности независимо от ее местоположения.

Возражение Маршалла против **"единого налога"** не нуждается в пояснении: не только земля, но и все факторы экономического процесса могут получать кратковременную ренту; и даже дифференциальная рента Рикардо — это с долговременной точки зрения стимулирующие платежи, которые поощряют использование плодородных и потому дефицитных участков. Джордж мог бы ответить на это, что никакая **квази-рента** не может быть такой же постоянной и всеобщей, как базисная земельная рента, с чем Маршалл, скорее всего, согласился бы. Более того, если бы можно было найти административное решение для проведения границы между чистой экономической рентой от земли как отдаленного расхода и рентами от всевозможных улучшений земельных участков, аргумент Маршалла отчасти утратил бы силу — эластичность предложения земли в самом деле очень низка (однако заметьте, **что она не равна нулю**,

так как у земли есть не только такие характеристики, как ширина и длина участков, но и такая, как глубина пахотного слоя). Джордж хотел только уничтожить спекуляцию земельными **участками**, и он употребил бы всю свою энергию на то, чтобы добиться полного и ясного разграничения между налогом на **"цену участков"** и налогом на **"улучшения"**. Но эта сторона проблемы оказалась слабо освещена на страницах **"Прогресса и бедности"**. Вместо этого Джордж сосредоточил весь свой пыл на предложении, чтобы землевладельцам раз и навсегда дали компенсацию за все рентные доходы, которые будут обложены налогом и начнут уходить в казну; он понимал, что тем самым его идея сводится к предложению взимать налог только с будущих приростов рентного дохода.

С технической стороны осуществить замысел Джорджа несколько не труднее, чем провести различие между доходом и капиталом при взимании прогрессивного подоходного налога. И в принципе не будет особого греха в обложении ценности участков, т. е. цены земли, с полным или частичным освобождением от налога на улучшения данного участка, если принять на веру, что такой налог действительно даст большие поступления в казну от всех земельных участков, за исключением быстрорастущих крупных городов. В конечном счете этот вопрос упирается в возможность нарушать права собственности: право собственности землевладельцев "ставится на весы" против стимулов к улучшению земли, которые создаст налог Джорджа. Правда, если нужно стимулировать инвестиции в никудышную собственность, это можно сделать намного проще, чем методом обложения ценности участков. В то же время, если мы уж так ненавидим спекуляцию землей и **"нетрудовые доходы"**, можно подвести капитальный доход под подоходный налог и ввести дополнительный налог на землевладельцев, которые не занимаются сами обработкой земли. И если, как нетрудно предположить, все это создаст чрезмерные административные трудности, то можно было бы отстаивать и национализацию земли. Но следует понимать, что спекуляция землей выполняет экономическую функцию: люди по-разному оценивают будущее экономическое развитие отдельных районов, и прибыль тех, чья оценка оказывается верной, идет рука об руку с потерями тех, кто ошибся. Если же мы национализируем землю, то ответственность за ошибки в прогнозах будет нести все общество; такие ошибки — не **редкость**, ведь существуют же города-призраки и целые районы в глубоком упадке — ценность земли растет не всегда и не везде.

Так или иначе, но книга "Прогресс и бедность" — великолепный образчик старомодной классической экономической науки — в день своего выхода в свет была устаревшей лет на тридцать, а идея конфискации доходов у главного класса общества вызвала глубокий шок у поколения, воспитанного в викторианском почтении к общественным институтам. Поэтому идея налога на ценность участков никогда не обсуждалась всерьез, и к нашему времени отдельные примеры ее влияния можно найти только на уровне местного самоуправления в **США**, Австралии и Новой Зеландии. Но более мягкое предложение Милля было, в конце концов, применено при разработке английского бюджета 1909 г. для городских земель, не используемых под застройку, а в английском **Акте** о планировании малых городов и деревень от 1947 г. был в конечном счете использован принцип налогообложения приростов будущих доходов от всех земельных участков.

Идея, семена которой были посеяны Рикардо, оказалась такой же соблазнительной для ранних представителей предельной полезности, какой она была для ближайших последователей Рикардо. И Вальрас, и **Уикстид** были за национализацию земли, хотя и с полной компенсацией. Замысел Вальраса состоял в том, чтобы компенсировать владельцев облигациями, выплачивая проценты и погашение займа из будущих рентных доходов. Но поскольку цена земли — это не что иное, как ожидаемый рентный доход с поправкой на текущую ставку процента, полная компенсация означала бы, что рентный доход полностью уходил бы на годовую выплату процентов, а государство так и не смогло бы выкупить облигации. Вальрас решал эту проблему, будучи уверен, как и Рикардо, что в растущей экономике рентные доходы повышают-

ся; он предложил выплачивать собственникам цену, исходя из покупки **на срок** 99 лет, — с точки зрения отдельной человеческой жизни это вечность, — с тем чтобы впоследствии все рентные доходы получало государство. Здесь, как и в других случаях, ошибочный прогноз Рикардо, построенный на оценке текущих событий, сделал это предложение несостоятельным уже в момент **его обнародования**.

РЕКОМЕНДАЦИИ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ЧТЕНИЮ

Читателю следует внимательно прочесть последнее изложение теории Мальтуса: "*A Summary View of the Principle of Population*" — статью объемом страниц в пятьдесят, которую он написал для "**Британской энциклопедии**" 1830 г. издания и которую можно найти в переиздании либо в "*Introduction to Malthus*" ("Введение в теорию Мальтуса" под редакцией Д. В. Гласса, вышедшее в 1983 г. и содержащее, кроме того, превосходные статьи о **Мальтусе**, написанные Х. Л. Билсом (Н. L. Beales) и Д. В. Глассом), **либо** в американском издании: Т. Р. Мальтуса "О народонаселении", вышедшем в 1960 г. в мягкой обложке, либо в перепечатке первого издания "Опыта" Мальтуса (1798), сделанной в английской серии "**Penguin**" в 1970 г. под редакцией **А. Флю** (**A. Flew**). Второе издание "Опыта" Мальтуса появилось в 1803 г. в существенно исправленном виде и было вчетверо длиннее первого, после чего основной текст не подвергался серьезным изменениям вплоть до последнего шестого издания в 1826 г. (однако в приложениях к третьему и пятому изданиям соответственно 1806 и 1817 гг. имеются важные аргументы в защиту от современной автору критики). Это последнее, шестое издание имеется либо в твердой обложке — выпущено в 1890 г. и снабжено биографией автора и критической вводной статьей, написанной Дж. Т. **Беттами** (**G. T. Bettami**), либо в мягкой обложке и без приложений. В первых двух главах "Опыта", занимающих менее 3% всей работы, изложена теория **целиком**; большая часть книги содержит довольно скудные иллюстративные материалы о населении разных стран, поясняющие тезисы, которые были изложены в первых двух главах. В главах, посвященных законам о бедных и хлебным законам, содержится ряд типично смитовских теоретических положений, а экономическая система, о которой идет речь, состоит из промышленности и сельского хозяйства в соответствующем сочетании: главы **6-12** книги III и несколько первых глав книги IV проливают свет на представления Мальтуса о том, каким следует быть обществу. Желательно также, чтобы читатель познакомился с публикацией чрезвычайно содержательной переписки между Сениором и Мальтусом, воспроизведенной в книге **Дж. Ф. МакКлири** "Мальтузианская теория населения" (**McCleary G. The Malthusian Population Theory**. 1953).

В новейшей из современных биографий Мальтуса, написанной П. Томасом (**Thomas P. Population Malthus: His Life and Times**. 1979), содержится много нового материала о Мальтусе-теоретике и мало — о Мальтусе-демографе. Логическая структура теории Мальтуса блестяще показана в статье К. Дэвиса "Мальтус и теория народонаселения" (Davis **K. "Malthus and the Theory of Population"**, помещенной в сборнике "Язык социального исследования" под редакцией П. Ф. Лазарсфельда и М. Розенберга (The Language of Social Research /Eds. P. **Lazarsfeld**, M. Rosenberg. 1955). **Ж. Стассар** в книге "Мальтус и население" (Stassart J. *Malthus et la population*. 1957), изданной на французском языке) дает надежное руководство, позволяющее понять, "что сказал Мальтус на самом деле". Дотошный критический разбор теории Мальтуса, сделанный Кеннаном (Caiman), прекрасно выдержал проверку временем: см. главу 5 его "Теории производства и распределения" ("**Theories of Production and Distribution**", и главу 4 его же "Обзора экономической теории" (*Review of Economic Theory*. 1929). "История экономического анализа" **Шумпетера** (с. 250-258, 578-584) излагает тот же материал, причем почти под тем же углом зрения; Дж. **Стиглер** в статье "Теория ценности и распределения Рикардо" (Stigler G. J. *The Ricardian Theory of Value and Distribution*), опубликованной в "**Journal of Political Economy**" в 1952 г. и перепечатанной в "Очерках истории экономической науки" (*Essays in the History of Economics*. 1956) и в **ЕЕТ**, лишь подчеркивает сделанное Кеннаном. "Мальтузианская теория населения"

МакКлири (McCleary. *Malthusian Theory of Population*) содержит страстную защиту этой теории; **читатель**, который воспринимает ее враждебно, может проверить на этой книге свое критическое мышление. **Дж. Спенглер** (J. J. Spengler) пытается примирить "Опыт" Мальтуса с его же "Принципами политической экономики" в работе "Теория народонаселения Мальтуса в ее полном виде: попытка новой оценки" (*Malthus's Total Population Theory: A Restatement and Reappraisal* // *CJEPS*. 1945, перепечатано в *EET*). См. также статью Дж. Спенглера "Были Мальтус прав?" (*Was Malthus Right?* // *Scotch Economic Journal*. Июль 1966); на этот вопрос он отвечает: "Не вполне, однако..." Те из читателей, кто все еще убежден, что доктрина Мальтуса имеет отношение к современности, могут заглянуть в статью К. Смита "Некоторые соображения по поводу современного мальтузианства" (Smith K. *Some Observations on Modern Malthusianism* // *PPS*. Июль 1952).

Блестящий обзор дискуссии о природе демографического взрыва в 1780-х годах дан в недавно вышедшем сборнике "Население в процессе индустриализации" (*Population in Industrialization*) под редакцией М. Дрейка (M. Drake, 1969), содержащем также обширную библиографию. Увлекательный рассказ о великих спорах в Англии XIX в. вокруг теории Мальтуса вы можете найти у К. Смита в книге "Спор о мальтузианстве" (*The Malthusian Controversy*. 1951). Д. Эверсли (D. E. C. Eversley) в книге "Социальные теории рождаемости и спор о мальтузианстве" (*Social Theories of Fertility and the Malthusian Debate*. 1959) дополняет этот рассказ, уделяя главное внимание развитию теории уровня жизни. М. Блауг (M. Blaug) в главе 6 работы "Экономическое учение Рикардо" (*Ricardian Economics*. 1958) дает краткое описание того, как первые последователи Рикардо фактически отказались от мальтузианской теории. Книга Р. Мика "Маркс и Энгельс о Мальтусе" (Meek R.L. *Marx and Engels on Malthus*. 1953) изобилует обвинениями, но удивительно бедна по существу.

История теории народонаселения до и после Мальтуса сжато дана в главе 3 работы "Факторы и последствия демографических тенденций" (*The Determinants and Consequences of Population Trends*), подготовленной и изданной ООН в 1953 г. Она была перепечатана в сборнике "Демографическая теория и политика" под редакцией Дж. Спенглера и О. Дункана (*Population Theory and Policy* / Eds. by J. J. Spengler, O. D. Duncan. 1956), содержащем немало других интересных материалов. П. Дуглас в главе 13 "Теории заработной платы" (Douglas P.H. *The Theory of Wages*. 1934) дает обзор того, что было сделано после Мальтуса по поводу долговременной кривой предложения труда. Великие экономисты второй половины XIX в. большей частью подробно останавливались на разработанной Рикардо теории ренты, причем наиболее интересные комментарии Маршалла (Marshall) и Уикстида (Wicksteed). В работе Сиджвика "Принципы политической экономики" (Sidgwick H. *Principles of Political Economy*. 1883. Кн. 2. Гл. 7) дан исключительно интересный анализ смешанного динамического и статического характера рикардианской теории ренты. Принципиальное различие альтернативной стоимости земли для отдельного производителя и общественной цены земли для целого общества рассматривает Д. Бьюкенен (H. Buchanan) в обзоре теории ренты от Смита до Маршалла "Исторический подход к теории ренты и цены" (1929), перепечатанном в "Лекциях по теории распределения доходов" (*Readings in the Theory of Income Distribution*. 1946) под редакцией У. Феллнера и Б. Хейли (W. J. Fellner, B.F. Haley). Хорошее изложение современной теории ренты вы найдете в работе Д. Уорчестера Мл. "Переоценка теории ренты" (D. Worcester, Jr.), опубликованной в "American Economic Review" (1946) перепечатанной в "Лекциях по микроэкономике" под редакцией Д. Камершена (Readings in Microeconomics / Ed. D.R. Kamerschen. 1967). В главе 3 книги Барнета и Морзе "Ограничения и рост. Экономика доступа к природным ресурсам" (Barnet H.J. and Morse C. *Scarcity and Growth. The Economics of Natural Resource Availability*) издание 1963 г., а также издание в бумажной обложке) содержится интересный обзор трактовки проблемы ограниченности природных ресурсов, начиная с Мальтуса и кончая Джоном Стюартом Миллем.

Генри Джордж сохранил свое значение и для нас: его именем названы школы общественных наук во всех крупных городах Америки, а также несколько школ за

пределами Америки. *"American Journal of Economics and Sociology"* — это издание в духе Генри Джорджа, и, как показывают публикации на его **страницах**, земельный налог по цене участка — тема еще достаточно актуальная. С. Корд в книге "Генри Джордж: мечтатель или реалист?" (Cord S.B. *Henry George: Dreamer or Realist?* 1965), несмотря на сухость тона и некоторую теоретическую неясность изложения, приводит замечательную историю реакции четырех поколений экономистов на **"Прогресс и бедность"**. Все ведущие английские и американские экономисты нашего времени — Альфред Маршалл, Френсис Уолкер, Эдвин Селигмен, Томас Карвер и Ричард Эли — написали обширные критические разборы теории Г. Джорджа. Р. Анделсон в своей книге **"Критики Генри Джорджа. Обзор придинок к "Прогрессу и бедности" за столет"** (Andelson R. *Critics of Henry George. A Centenary Appraisal of Their Strictures on Progress and Poverty*. 1979) ясно показал, что история отношения к Генри Джорджу — это история упорного непонимания, искажения и прямого ухода ведущих экономистов-теоретиков от проблем, поставленных Джорджем. Сжатое изложение предложений Джорджа, сделанное им самим, вы найдете в его работе **"Единый налог на ценность земли"** (*A Single Tax on Land Values*. 1890, перепечатано в *ЕТНА*). Хороший современный обзор его работ см. у Тейлхека в главе 3 книги **"Пионеры американской экономической мысли"** (Teilhas E. *Pioneers of American Economic Thought*. 1936). О современном значении экономической стороны предложений Джорджа см. сборник **"Определение ценности земли"** под редакцией Д. Холланда (*The Assessment of Land Value* / Ed. M. Holland. 1970), особенно обратите внимание на эссе Хикса (U. K. Hicks) "Возможно ли обложение земли по ценности участка?" (*"Can Land Be Assessed for Purposes of Site Value Taxation?"*)

Примечания к главе 3

¹*Beuering jur condition* — выражение принадлежит Адаму Смиту, играя важную роль в его учении о естественном человеке. В **"Богатстве народов"** это главный движущий мотив личной инициативы, предприимчивости и бережливости. (см. Указ. соч. С. 481).

²Еще одна цитата из Адама Смита (см. Указ. соч. С. 132).